

415 АВГ 37

Подлинный триумф

ПОЛЬ ГЗЕЛЬ

Французский театальный критик

Привытие в Париж Московского Академического Художественного театра и Немировича-Данченко представляет собой большое событие в жизни искусства. В связи с Международной выставкой Париж посетило немало театральных, музыкальных и балетных организаций. США, Англия, Бельгия, Дания, Швейцария послали в Париж свои лучшие артистические силы, встретившие здесь теплый прием. Но с особым нетерпением в Париже ожидали советских артистов. Несравненная красота театрального искусства в Стране Советов известна всему миру. Эта неоспоримая истина вытекает из единодушных суждений всех иностранных критиков, посещавших театральные фестивали в Москве и Ленинграде.

7 августа в самом роскошном театре Парижа, в театре Елизейских полей, имел место первый контакт Московского Художественного Академического театра с парижской публикой.

Это был подлинный триумф. Успех превзошел все ожидания. Уже давно ни одна труппа не вызывала в Париже таких горячих аплодисментов. Иногда говорят, что восхищение Французских зрителей является необходимым условием для закрепления позиций артистов, прибывших из-за границы. 7 августа советские артисты полностью и окончательно закрепили за собой эти позиции.

Несколько дней тому назад Немирович-Данченко пригласил представителей парижской печати в полпредство СССР на улице Гринель для беседы. Эта беседа имела дружественный характер и большое значение.

Немирович-Данченко с большой точностью изложил свои принципы в области театра.

Ему был задан вопрос, совпадает ли его художественное учение с учением Константина Станиславского, с которым он совместно руководит Московским Академическим Художественным театром.

«Совпадает целиком, — ответил он. — У нас имеются лишь различия в темпераменте. И именно поэтому наши темпераменты дополняют друг друга».

Далее он сделал следующее взаимное сравнение:

«Когда работают ножницы, то необходимо, чтобы оба лезвия отодвигались друг от друга, чтобы потом сблизиться. Так вот Станиславский и я — мы представляем собой, образно говоря, ножницы и если иногда мы расходимся, то лишь для того, чтобы лучше сойтись».

Академический Художественный театр в качестве первого спектакля поставил «Враги» Максима Горького.

Трудно было сделать лучший выбор. Действительность требовала, чтобы этот первый спектакль был посвящен произведению великого русского писателя, главное имя которого присвоено первому театру Москвы.

И вполне уместно было также показать западным зрителям именно такую пьесу, которая бы разъясняла Великую Пролетарскую революцию.

Кому не известно содержание «Врагов»?

На фабрике, где хозяева проявляют исключительную суровость по отношению к рабочим, последние восстают. Один из директоров убит.

На сцену появляются полиция и жандармы. Один из рабочих готов пожертвовать собой для спасения своего товарища, нанесшего смертельный удар директору.

Но подлинный виновный не принимает атой жертвы и настаивает на своей ответственности. Он не жалеет, что убил врага рабочего класса, и не боится ссылки за свой акт возмездия.

Перед лицом этого мужества людей из народа молодая женщина, принадлежащая к предпринимательской семье, энергично восклицает:

«Эти люди победят!»

Эти слова, как известно, оказались пророческими.

Постановка Немировича-Данченко отличается одновременно исключительным реализмом в деталях и большой широтой стиля.

Бесконечные детали создают ощущение подлинной действительности. Но в то же время подчеркиваются и полностью показываются основные факты, образующие главную нить действия.

Артисты театра Максима Горького стоят на первоклассной высоте в спектакле «Враги».

Отметим прежде всего Качалова, великодушного, как всегда, в роли Захара Бардина, главного владельца фабрики, Книппер-Чехову, отлично исполняющую роль г-жи Бардиной, Тарханова, дающего поразительный образ старого генерала-подагрика, Орлова, выступающего в качестве закоренелого цыганца, Тарасову — женщину, предсказывающую победу пролетариата, Хмелева — чиновника-палача, Кольцова и Белокурова — героев революции.

Но, впрочем, артисты, выступающие даже в самых второстепенных ролях, заслуживают безоговорочных поздравлений. Я обратил внимание, например, на двух жандармов, которые, не открывая рта, угодливыми улыбками выражали одобрение всему, что говорили и делали их офицеры. Они великолепно олицетворяли низость некоторых рабочих людей.

Во время первого действия неоднократно раздавались бурные аплодисменты.

Но во время антракта режиссер выступил на авансцену и заявил, обращаясь к публике:

«Артисты вам очень признательны за горячие знаки одобрения, которые вы им расточаете. Тем не менее они просят не аплодировать во время действия, ибо в этом случае вы рискуете прервать драматический интерес пьесы. Просим вас оставлять выражение ваших суждений до конца действия».

Это вызвало улыбку у многих зрителей и зрительниц, не привыкших к подобной дисциплине.

Как я уже указал выше, рукоплескания после окончания спектакля перешли в повторные овации, все более громкие. Такие овации по адресу артистов делались до бесконечности. На авансцену был доставлен огромный букет красных цветов. Немирович-Данченко, появившийся среди своих сотрудников, вызвал персонально взрыв аплодисментов. Занавес оставался поднятым в течение пяти минут, дабы советские артисты могли все вместе остаться лицом к лицу с аудиторией, которая, встав с мест, выражала свое восхищение.

Отметим одну подробность. В зале было много русских белогвардейцев. Эти многочисленные в Париже эмигранты, быть может, пришли с целью критиковать спектакль. Но, наоборот, они присоединились к бешеным рукоплесканиям остальных зрителей. Увидав артистов, которыми они когда-то восхищались в России до революции, они внезапно испытали непреодолимую тоску по глубоким звукам своего родного языка, по своей далекой родине, по художественным дарованиям своей расы. И они не могли не воздать должное величии СССР. Это чудо служит мерилом того восхищения, которое театр Максима Горького с первого же вечера вызвал в Париже.